

РОМАН ЗИНЗЕР
ДАМБА

16+

Роман Зинзер

Дамба

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Зинзер Р.

Дамба / Р. Зинзер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Дамбу прогрызли бобры. Кто за это ответит? Конечно, начальник по гидротехническому контролю Капустин. Но Капустин отвечать не желает и ищет пути сбежать от тюрьмы. «Дамба» – сатирическая повесть, где налаженная жизнь циничного и коррумпированного чиновника рушится, но он пытается тому помешать.

***

– Кирилл Константинович, только что звонили из Приволжского округа. Говорят, там бобры это... – в кабинет вошла высокая девушка и начала быстро говорить, но человек, который сидел за столом, махнул на нее рукой. Девушка замолчала и вышла.

У Кирилла Константиновича было полно других забот. Ему совершенно точно было не до своей секретарши и того, что она пыталась ему сообщить. Он сидел в своем большом кожаном кресле в кабинете, стены которого были обшиты панелями под дерево, с флагом и портретами первых лиц государства, и думал о том, что подарить своему начальнику. Начальников у Кирилла Константиновича было два: один работал заместителем министра строительства, другой – заместителем министра природных ресурсов. И у второго через три дня будет юбилей.

– Маша! – позвал Кирилл Константинович и встал с кресла.

На вид ему было чуть за сорок, все волосы были на месте, подстрижены коротко и совсем чуть-чуть сверкали сединой. Кирилл Константинович не был толстым: его нервная работа «сжирала» все лишние калории.

В кабинет вновь зашла все та же девушка. Как оказалось, ее звали Машей.

– Кирилл Константинович, там бобры, опять звонили... – снова попробовала донести новость Маша.

– Хрен с бобрами, – перебил Кирилл Константинович. – У Скоропупова как новую жену зовут?

Скоропупов был замминистра природных ресурсов и очень «скорым» именинником.

– Виолетта Валерьяновна, – ответила Маша.

Кирилл Константинович поднял на Машу глаза и изогнул бровь:

– Что серьезно, что ли?

– Да, – ответила Маша и поправила юбку.

– Короче, ты посмотри, как мы в прошлом году Скоропупову подарок проводили. У жены его там контора или еще у кого. Не помню.

– Хорошо...

– Все тогда. Я ушел, – сказал Кирилл Константинович, прежде чем Маша успела произнести что-либо еще.

Он раскатал рукава на рубашке, поправил галстук, надел пиджак и вышел из кабинета в приемную, а затем в коридор. В приемной сидели еще две его помощницы. Они хотели было встать, но не успели. Их начальник был слишком стремителен.

Кириллу Константиновичу Капустину было сорок два года, и последние шесть из них он работал начальником департамента по экологическому контролю и сертификации гидротехнических сооружений. Он и сам выговаривал это и без того упрощенное название с трудом, предпочитая официальную аббревиатуру ДОКОЛЭ.

Как было понятно из названия, департамент Капустина занимался контролем и допуском к эксплуатации всего, что могло быть построено на воде или вблизи от нее. ДОКОЛЭ Кирилла Константиновича Капустина был подотчетен сразу двум министерствам – природоохранному и строительства. И Капустин за шесть лет своего руководства вполне научился сидеть между этих двух стульев.

Проблем у начальника департамента Капустина хватало. Помимо выполнения своих прямых функций, ему изо дня в день приходилось думать, как заработать денег для всех страждущих и обделенных. Таковых было много. Вместе с уже упомянутыми заместителями министров Капустин спонсировал не один десяток государственных ртов, любовницу, вторую любовницу, бывшую жену Дашу, на которую было записано все его секретное имущество, пять

секретарш, из которых секретаршей в полном смысле этого слова была только Маша. Остальные Кириллу Константинычу были нужны для «удобрения» важных людей.

Почему Капустин занимался «обеспечительными» вопросами людей государства? Все очень просто. Заместители министров были слишком на виду и ничего, совсем ничего не могли предпринять для своего благополучия. Зарплата оных господ позволяла им лишь раз в год увеличивать площадь своих загородных кибиток и ездить на отдых в Крым. А Капустин был для них именно тем человеком, незаметным и тихим, который через свой департамент мог подстелить заместителям министров соломку погуще.

Прочие госслужащие разных уровней сильно помогали Капустину в работе над министерским благополучием и потому тоже ждали бакшиш. Любовницы Капустина вели «Инстаграм» и без новых подарков и радостей, которые можно сфотографировать, становились к Капустину холодны. Хотя, тут нужно отдать должное Кириллу Константинычу, на адюльтеры у него совсем не было времени, и посещать своих пассий он давно перестал. Но знали они слишком много, чтобы позволять их «Инстаграму» хиреть.

Красивый эскорт, то бишь секретарши, нужен был Капустину, когда он не успевал работать для важных людей достаточно денег или, наоборот, когда от этих самых важных людей зависело, заработает Капустин или сядет в лужу. Девушек находила Маша, их работа щедро оплачивалась, и внакладе не оставался никто.

Еще была бывшая жена Даша. Именно с Дашей Капустин ходил на все официальные мероприятия: концерты, светские рауты и инаугурации, которые хоть и случались нечасто, но требовали от Капустина какой-никакой второй половины. Два года Даша и Капустин были женаты, но любовная лодка не поплыла. Даша мирно ушла от Кирилла Константиныча, вышла замуж повторно, родила сына и опять развелась.

Даша и Капустин продолжали дружить. По мере карьерного роста Капустина Даша мало-помалу становилась «Пенсионным фондом» руководителя департамента. На нее было записано все, что оставалось у Капустина после тяжких трудов на ниве госработы и раздачи «пряников» по заместителям министров, а именно: девять или десять квартир в Дубае, дом и квартира в Лондоне, дом в Подмосковье и благотворительный фонд в США, на счету которого лежала большая сумма на нужды африканских голодранцев. Капустин помогал Даше с деньгами и небольшими проблемами, а Даша ставила в нужных местах свои подписи. «Копи царя Соломона» были в надежных женских руках.

Даша, несмотря на деньги Капустина, продолжала работать и была кем-то вроде главного редактора на одном из новостных интернет-порталов. За неимением телевизора и из-за нелюбви к Интернету все важные новости глава ДОКОЛЭ узнавал от Даши.

Сам же Кирилл Константиныч Капустин рано понял, что жениться повторно и заводить детей ему не стоит. Сама перспектива раздела имущества, пусть даже с таким стоворчивым человеком, как Даша, сводила Капустину челюсть почище незрелой хурмы.

После развода с Дашей Капустин перестал пить из-за открывшейся язвы и курил только за компанию с теми, кто принимал важные решения.

С работой начальника департамента Капустин справлялся, и поэтому год за годом его переназначали на эту должность. Кирилл Константиныч был даже в какой-то степени новатором в своей области: при Капустине департамент стал «скрипеть» быстрее и эффективней.

Дело в том, что ранее, до Капустина, работа департамента по экоконтролю и сертификации гидротехнических сооружений строилась прямолинейно. В лоб. Ну представьте, вы – город или область в лице мэра или губернатора, и вам нужно построить мост. Или плотину. Или дамбу. Или еще тысячу разных приводных объектов. Деньги у вас есть, проект есть, но на строительство нужно получить разрешение. Разрешения дают в департаменте. Там вам обязательно скажут, что проект ваш – дерьмо и давайте-ка заказывайте все это дело у нас. За такую-то сумму. И мэрии ничего не оставалось, как идти на поводу у департамента, в котором был

специальный отдел проектирования, поголовно состоящий из старперов и студентов инженерных специальностей. Этот отдел разрабатывал новый проект моста, мало чем отличающийся от предложенного ранее мэрией, и выставлял заказчику круглый счет. Естественно, счет оплачивался, проект проходил экспертизу, и департамент давал добро на строительство. Раз в три года департамент инспектировал этот приводный объект, находил нарушения и устранял их за счет заведения. Похожая схема касалась и частных компаний, решивших развернуть бурную деятельность на воде и близком к ней пространстве. Жаловаться никто не ходил, так как у департамента все было схвачено. Мосты время от времени строились, счета выставлялись, работа кипела.

С приходом на должность Капустина схема работы изменилась. Кирилл Константиныч был современным специалистом и знал слово «аутсорсинг». Он посмотрел, во что встает департаменту затхлый отдел проектирования со всеми его пенсионерами и молодняком, и «закрыл его на лопату». Теперь все подряды на разработку проектов гидротехнических объектов департамент передавал в частные проектные организации, которые работали быстро, стоили дешевле, и на выходе построенный объект получался даже качественнее, чем было раньше. И плюс ко всему весь этот аутсорсинг был для Капустина поводом поднять ценник заказчику.

– Так если же вам ООО «БыстроМостСтройМонтаж» разработало проект, то это должно быть дешевле! Я знаю их цены! – пробовал спорить с Капустиным заказчик.

– Нет, это дороже, – отрезал Капустин и заканчивал разговор.

И заказчик продолжал платить. Ему было почти все равно, сколько доставать из широких штанин, так как деньги брались из бюджета. Частные компании закусывали губу и тоже лезли в карман.

Второй инновацией Капустина был «аутсорс» не только разработки проектов строительства, но и их инспекция и контроль. Частная профессиональная компания, которой позарез были нужны контракты и деньги, выигрывала подлаженный под нее тендер департамента, находила нарушения в эксплуатации объекта и сообщала о том департаменту. Департамент выставлял эксплуатанту большой счет за устранение нарушений, что-то платил частной компании, и та устраняла обнаруженные нарушения. Деньги, оставшиеся после всех проведенных работ, шли на умащивание всех заинтересованных лиц.

Третьим нововведением Кирилла Константиныча стало то, что для обналаживания полученных средств он вновь пошел в «аутсорсинг» и стал пользоваться конторами-обнальщиками, которые хоть и просили десять процентов от суммы, но стоили дешевле, чем если бы Капустин продолжал выводить деньги через официальные выплаты сотрудникам департамента. Так, назначь Капустин себе большую «белую» зарплату, которой все равно надо делиться с вышеобозначенными господами, ему пришлось бы заплатить подоходный налог и отчислить проценты в пенсионные и страховые фонды. Всего процентов на сорок. А тут десять, и все готово. Да, с обнальщиками было опаснее: бонзы из налоговой держали нос по ветру, но разница в тридцать процентов, а это шестизначные суммы, была слишком существенной, чтобы не рисковать, а Кирилл Константиныч перед трудностями никогда не робел.

Примерно восемьдесят процентов обналаженных средств расходовалось на подарки для жен и домашних животных дружественных Капустину лиц, на остальное Кирилл Константиныч покупал недвижимость. В собственность его бывшей жены Даши.

По итогам всех преобразований Капустина департамент увеличил свою «серую» прибыль вдвое, уволил пятьдесят инженеров и переехал в здание поменьше, но с лучшим ремонтом и удобной парковкой.

***

– В природные ресурсы, – сказал Капустин своему водителю, который стоял на улице рядом со служебной «Тойотой».

Капустин снял пиджак и сел на заднее сиденье машины. На улице был май и начинало теплеть.

В министерстве природных ресурсов Кириллу Константинычу нужно было встретиться с тем самым Скоропуповым и сообщить ему о том, что подарок готов и где замминистра Скоропупов сможет его получить. Подарок у Капустина и правда был собран, но со способом передачи вышла заминка. Все прежние годы презенты, будь то недвижимость, деньги, машины, записывались на жену Скоропупова, и все были довольны. Но в начале этого года так вышло, что жена замминистра сбежала от него в Лондон, который, как известно, есть столица Великобритании, которая, как опять же известно, отечественных беглецов не выдает ни под каким предлогом. И не столько Скоропупов расстраивался, что любовь всей его жизни ускакала с водителем, которого он сам же ей и назначил, сколько, что все нажитое замминистра так и осталось у неверной супруги. Ушло все. Ушел даже гектар дальневосточной земли, который Скоропупов до кучи себе приписал забесплатно и по привычке оформил на жену.

В тот же самый день, как жена Скоропупова наострила лыжи на волю, он вызвал к себе Капустина, попросил найти ему новую жену и как можно быстрее восстановить все утраченное имущество.

– У тебя же много там твоих вертихвосток. И у меня будет тот, на кого все писать. И поглупее, – хмуро сказал Скоропупов Капустину. – Не в шахматы с ней играть.

Капустин тогда позвонил секретарше Маше и обрисовал ситуацию. Маша с задачей справилась влет: Скоропупов вновь был женат. И, как только сегодня выяснил Кирилл Константиныч, жену его звали Виолетта Валерьяновна. Ее надежность вызывала у Капустина много вопросов, и именно это он хотел обсудить с глазу на глаз со своим шефом.

Капустин вышел из машины и зашел в министерство. Там его уже ждали.

– Вас срочно вызывает... – начал было охранник в костюме на входе, но Капустин лишь махнул на него рукой.

Он и сам знал, кто его вызывает. Он быстро поднялся в приемную к Скоропупову и одним только выражением лица спросил его помощницу разрешения зайти к замминистра.

– Во дворе. Курит, – ответила помощница.

Капустин вышел во внутренний двор министерства. Прямо у выхода стоял пухлый и лохматый замминистра природных ресурсов и курил.

– Ванадий Петрович, я хотел обсудить... – начал Капустин, но Скоропупов поднял указательный палец и перебил руководителя департамента.

– Не помню, Кирюша, ты куришь или нет? – спросил тот, которого Капустин назвал Ванადием Петровичем. «Видимо, в честь химического элемента окрестили», – много лет назад подумал Капустин, когда его только представляли будущему начальнику.

– Нет, бросил, – ответил Капустин.

– Я бы на твоём месте начал, – сказал Скоропупов.

Замминистра совсем не был похож на чиновника высокого ранга. Он неуклюже носил костюмы, речь его была мягка, и говорил он в целом несмело, а о его растерзанной причёске по министерству ходили легенды: было в ней что-то от Альберта Эйнштейна.

– Тебя Хотян хочет. Ищет в смысле. Даже мне звонил, – сказал Скоропупов.

Хотян был замминистра строительства, вторым шефом Капустина и полной противоположностью Скоропупова. Если Ванадий Петрович Скоропупов был лохмат и мягок, как хоро-

шая туалетная бумага, то Арам Васильевич Хотян был груб, лыс, как кегля, и крыл подчиненных матом за любую провинность.

– Что там? – спросил Капустин и укусил себя за губу. Скоропулова Кирилл Константиныч любил и признавал за ним разум, хотя ему и приходилось платить больше, чем всем остальным. Хотян же был тупой и громкоголосый. Договориться с Хотяном Капустину удавалось редко.

– Спрашивал, знаешь ли ты, что такое Сакмарская дамба, – ответил Скоропулов, с удовольствием докуривая свою сигарету.

– Сакмарская дамба? – Капустин наморщил лоб, вспоминая гидрообъекты, которые были сейчас в работе у департамента. Ничего с названием «сакмарская» Капустину не вспомнилось.

– Ага, сакмарская. Хотян сказал, что если не знаешь, то он твою жопу натянет на барабан. И это цитата, – сказал Скоропулов и выбросил окурочок в урну. – Хотя думаю, что, если даже и знаешь, все равно натянет. У тебя эту самую дамбу, которую ты вроде как инспектировал полгода назад, прогрызли бобры, и затопило все, что вокруг. Кирюша, я тебе честно скажу, после того как у меня жена убежала, я ни разу так громко не ржал. Бобры, представляешь! Дамбу! Короче, ты давай к Араму Васильичу езжай, мы с тобой потом дела поговорим.

Скоропулов хлопнул Капустина по спине и пошел внутрь. Капустин остался стоять на улице.

– Бобры? Сакмарская дамба, – вслух произнес Кирилл Константиныч и еще сильнее наморщил свой лоб.

***

Татьяна Геннадиевна Ершова работала учителем географии в средней общеобразовательной школе номер 4 города Сакмары Оренбургской области. Год назад она защитила диссертацию по экологии, получила степень кандидата наук и стала ассистентом старшего преподавателя на естественно-географическом факультете Оренбургского педуниверситета. Несмотря на несолидность названия учебного заведения, конкурс на преподавательское место там был большой, и Татьяне Геннадиевне стоило больших усилий и нервов получить полставки в этом вузе.

Месяц назад Татьяне Ершовой исполнился тридцать один год. Семь лет она была замужем, растила шестилетнюю дочь Катю и жила в частном доме в Сакмаре – маленьком городке, расположенном на берегу реки, которая называлась также Сакмара. Мужа Татьяны звали Евгений Геннадиевич Шушера, ему, как и Татьяне, был тридцать один год, он, как и Татьяна, работал в сакмарской школе номер 4 учителем истории.

Познакомились Евгений и Татьяна в том самом оренбургском педуниверситете. Их свадьба состоялась сразу после защиты дипломов. Фамилию мужа Татьяна Геннадиевна брать не стала. Евгений было предложил ей что-то двойное по типу Мамина-Сибиряка, но Татьяна прокрутила в голове возможные сочетания и благоразумно отказалась и от этой идеи.

Татьяна была отличницей в хорошем смысле этого слова. Родившись в еще более глухой местности, чем Сакмара, она с медалью закончила единственную в округе школу, поступила в пед и разделалась с ним с красным дипломом. Потом Татьяна пошла в аспирантуру и сама написала диссертацию. Дома у Татьяны всегда было чисто, а дочь Катя в шесть лет читала сто слов в минуту.

Татьяна выглядела моложе своих лет. У нее были длинные русые волосы, длиннее привычного нос и стройная фигура. Из украшений она носила только часы «Своч», которые ей подарили родители в день защиты кандидатской диссертации.

У мужа Татьяны был типаж провинциального Нарцисса. Евгений Шушера модно стригся за триста рублей, для чего специально выезжал из Сакмары в Оренбург, был вегетарианцем,

выращивал цитрусовые растения в палисаднике их с Татьяной частного дома и увлекался фотографией. В перерывах между своими хобби Евгений работал: он вел уроки истории для восьмых и девярых классов и пользовался всем вниманием школьниц, недавно осознавших свою половую принадлежность. Евгений был вполне себе счастлив и несильно расстраивался, что Татьяна целыми днями пропадает в школе и вузе в поисках лучшей карьеры и жизни. Даже астма, которая была у Евгения с детства, не мешала ему любить свою жизнь. Татьяна же была счастлива, что Евгений не скучает, не мешает ей развиваться и что забирает каждый день Катю из детского сада.

Евгений и Татьяна работали в школе каждый день до часа дня. Потом Евгений шел домой готовить обед и ужин, а Татьяна шла на маршрутку до Оренбурга, чтобы вести занятия в вузе для заочников и вечерних студентов.

– Вот бы машину тебе в Орен ездить, – сказал как-то Евгений.

– В этом году вряд ли, Жень, сам понимаешь. Сейчас все на защиту диссера уйдет, – ответила ему Татьяна, садясь в городской «шаттл» модели «Газель».

Да, защита диссертации обошлась Татьяне дорого, а машину она хотела давно: от маршруток ей уже было дурно, особенно летом, когда на обратном пути из Оренбурга в Сакмару набивалась куча пенсионеров с рассадой или стройматериалами. В открытые от жары окна «газели» летели пыль и выхлопные газы, и всю дорогу до работы и обратно Татьяна мечтала, как совсем скоро будет рассекать по тому же пути на своем «Пежо». Или «Ниссане». Или... Татьяне было все равно на чем. Она уже все посчитала: выучиться на права в Сакмаре стоило двадцать тысяч рублей, машина стоила триста. Столько свободных денег она сможет накопить за полтора года, если продолжит работать и в школе, и в вузе. Ни брать кредит, ни просить помощи у родителей Татьяна не хотела.

Татьяна терпеть не могла «газель», но любила своих «маршруточных» пенсионеров. Они были хорошие. Она знала их всех в лицо и по имени, ведь во всей Сакмаре жили от силы тысяч пять человек.

– Ты давай, Тань, садись, садись, – говорил ей дедок на остановке и уступал место в автобусе, – я на следующем поеду. Тебя там дочь ждет, а меня ждет только картошка.

– У тебя жена же еще жива, Петрович, – поправляли другие.

– А... ну да, ну да, – вспоминал дед.

Крутился в голове у Татьяны и другой вариант улучшения их с Женей жизни: переехать на «постоянку» в Оренбург. Продать дом, который по наследству достался Евгению от родителей, собрать денег и купить квартиру в областном центре. Дом Евгения был большой. Если повезет, то за него вполне можно выручить тысяч восемьсот – миллион. На квартиру бы тогда не хватало совсем чуть-чуть. Другое дело, что на такой переезд и распродажу имущества нужно было решиться, и именно в этом вопросе Татьяна тянула резину. Сама-то она была готова к перемене места хоть завтра, но Женя слишком прирос к своей сакмарской школе, где он был греческим богом и героем для своих школьниц, да и дом со всеми его цитрусовыми растениями стал для него уже чем-то родным. Татьяна ждала и думала про «Пежо».

***

Сегодня четвертое мая, и у Татьяны Ершовой выдался тяжелый день. Нынче проходили госэкзамены у ее вечернего факультета. Нет, Татьяна не имела никакого отношения к людям, которые принимали этот экзамен: там народ был сплошь профессор на профессоре, но Татьяну привлекли к этому делу как главного «заполнителя» всех сопутствующих экзамену бумажек. Татьяну тошнило от подобной работы. Она любила вести семинары, она ждала и не могла дожидаться, когда ее повысят до старшего преподавателя и она сможет читать лекции. Но от бумажной работы Татьяну тошнило. Она считала, что заполнить бланки может и секре-

тарша-документовед факультета. Но документовед, конечно же, заболела, а Татьяна не болела почти никогда и была среди своих плешивых и полногрудых коллег самой молодой.

– Танечка, а можно нам чаю? – вежливо и вкрадчиво попросил председатель экзаменационной комиссии, доктор биологических наук Ферапонт Филиппович Додонов.

– Конечно, – ответила Татьяна и пошла заваривать чай.

Додонов был научным руководителем Татьяны Ершовой, и этого Додонова Татьяна терпеть не могла даже больше, чем свою сакмарскую маршрутку. Мало того, что он блокировал ее поступление в аспирантуру сразу после университета («Вот поработай в школе лет пять, опыта наберись, тогда посмотрим», – сказал он в свое время Татьяне), так он еще был и против ее защиты и присвоения ей степени кандидата наук.

– Сыровата еще работа у моей подопечной, – говорил он ученому совету – людям, принимающим решение о присвоении степени, – предлагаю перенести защиту на потом.

Скотина, в общем, а не Додонов.

Татьяна тогда чуть не плакала. Она отдала последние деньги и силы, чтобы устроиться в университет и получать на восемь тысяч рублей больше. Причем все всё прекрасно понимали: диссертация и защита у Татьяны были хорошие, просто Додонов хотел больше денег. От Татьяны.

А денег Ферапонт Додонов, профессор, главный эколог Оренбургской области, лектор в «Газпроме», лектор в «Роснефти», хотел всегда и от всех. Под видом милого семидесятилетнего дедушки, седого и с торчащими из носа волосами, скрывался коррупционер и прощелыга. Додонов собирал дань со всех. Со студентов, с аспирантов, с коллег за маленькие услуги. Когда кто-нибудь из газовиков или нефтяников приходил к Додонову за экологической экспертизой, Додонов собирал с газовиков и нефтяников. Жил он за городом на даче, и все деньги якобы переправлял сыну в Германию.

Сам Додонов никаких обязательных для «Газпрома» экспертиз уже давно не проводил. Он перепоручал все своим преподам, в том числе и Татьяне Ершовой, за копеечное вознаграждение – одну-две тысячи рублей за работу, на которую уходили все выходные.

Татьяна вернулась с чаем, на что Додонов мило кивнул. Студенты «кончились». Сейчас аттестационная комиссия выставит всем оценки, Татьяна занесет их в протокол, и можно будет ехать домой.

Татьяна вышла на минуту из аудитории и позвонила домой Жене. Его мобильный был недоступен. Татьяна вернулась в экзаменационную. Там Додонов оглашал результаты. Несдавших сегодня не было. Видимо, удивительно совпало: умные и бедные сдали сами, а те, кто с деньгами, успели позолотить Додонову ручку.

Татьяна засобирилась домой. Когда она уже в Сакмаре вышла из маршрутки, то увидела на остановке дочь Катю. Катя тоже увидела маму и бросилась радостно к ней.

– Мама, папа там спек хлеб бездождевой! – начала говорить Катя.

«Видимо, бездрожжевой», – подумала Татьяна. Катя всегда переиначивала длинные слова на свой лад.

– Но только съесть его не получится, – Катя театрально развела руками, – потому что нас затопило.

***

– Кирилл Константинович, – начал говорить Хотян, – у тебя дамбу прорвало на Урале. Ты ее инспектировал, а ее все равно прорвало.

Замминистра строительства Арам Васильевич Хотян произносил эти слова очень спокойно. Капустин знал, что подобный тон означает крайнюю степень бешенства.

– Очень серьезно, дорогой! Очень! Весь же поселок. А ты инспектировал, – в той же интонации, с армянским акцентом продолжил говорить Хотян.

– Ты там давай собери совещание, туда-сюда. Три дня есть у тебя. И жду отчет. Или вот, – Арам Васильевич похлопал по тонкой стопке бумаг у себя на столе. Подобный жест на языке Хотяна означал, что сам он в тюрьму садиться не собирается, но Капустина обязательно посадит.

– Пять лет, мой друг. Пять! С конфискацией. А я не хочу терять сотрудника.

– Бюджет на ликвидацию уже согласован? – сухо спросил Капустин, стоявший навытяжку перед столом Арама Васильевича.

– Квартиру продай, – ответил тот, – или у бобров попроси, которые твою дамбу прогрызли. Бюджет!

Хотян почесал лысую голову и опустил глаза в телефон. Капустин собрался выходить из кабинета замминистра, но тот поднял палец и задержал Кирилла Константиныча.

– Вот еще что. Наверное, не знаешь ты, – начал он. – Через год в области той будет форум. Нефть, газ, такое все. Приедут все. Все, понимаешь, – Хотян выделил голосом слово «все». – Надо, чтобы все хорошо было. И что мы молодцы. Поэтому бобры – это хорошо. При всех минусах. Это не мы виноваты, понимаешь? Не бетон наш говно, не инспекция твоя, а какие-то такие внезапные бобры! Но мы должны все поправить, понимаешь? Чтоб ни один взгляд на меня не упал.

Капустин вышел. Он все, конечно, понимал. За любое ЧП отвечали он и его департамент. При этом деньги должны были продолжать расходиться по карманам. Именно поэтому Капустин и ввел частное проектирование в надежде, что частники все сделают лучше и качественнее. Так на самом деле и было. Но бобры? Какие, вообще, к черту, бобры? Капустин впервые был так глубоко озадачен.

Он посмотрел на часы на руке и позвонил помощнице Маше.

– Через час чтобы все у меня. И Гущу вызови, – он сбросил звонок, но через секунду набрал номер Маши снова.

– И чтоб по Сакмаре у меня все на столе через час!

Когда через пятьдесят минут Капустин зашел в самую большую «переговорку» своего департамента, эти самые «все» уже были в сборе и шло активное обсуждение.

За столом на шестнадцать мест сидели: главный инженер, главный инспектор департамента, представители от министерств природных ресурсов, строительства и чрезвычайных ситуаций, представитель от Казначейства, пара каких-то левых людей в гражданском, какой-то полковник и Аркадий Михайлович Гуща – инженер и неофициальный советник Капустина по всем техническим вопросам. Гуще было столько же лет, сколько и Капустину, но вид у него был уставший, а лоб перерезали морщины. Гуща сидел на противоположном от Капустина конце стола и читал бумаги, которые перед ним положила Маша.

Капустин сел за стол и тоже открыл стопку бумаг. Обсуждение за столом стихло, и все, кроме Гущи, подняли глаза на Кирилла Константиныча.

– Ну что? – спросил Капустин.

– Вообще, в теории, это возможно, – начал один из специалистов, – если популяция бобров достаточно большая, то и бетон им...

– И я говорю, – подхватил другой спец, тот, который был с погонами полковника, – надо дамбу залатать, – полковник для наглядного объяснения, как именно надо залатать дамбу, плюнул на палец и растер им по столу, – а бобров всех отстрелять. Или потравить.

– Забор поставить вокруг. И электричество пустить, – это уже говорил представитель от минстроительства.

– Или вырубить все вокруг, чтоб им даже не чесалось к дамбе подходить.

– Под это, я думаю, мы денег найдем, – представитель Казначейства взял слово.

– Не надо ничего вырубать. Бобры – да, а вырубать не надо, – говорил представитель министерства природных ресурсов.

– Ну а что?! С вертолетов распылим дуста. Нормально будет, – высказал мнение полковник.

– И забор.

– Только, знаете, еще что не помешает? – вставил реплику эмчэсовец. – Надо батюшку позвать, чтоб освятил там все. И от бобров, и от наводнения. На людей хорошо подействует. Успокоятся.

Капустин закончил листать отчет о прорыве дамбы на одном из рукавов реки Сакмары и затоплении близлежащих поселков. Информации в отчете было немного.

Капустин поднял глаза на своего главного инспектора.

– Тут сказано, что вы там все проверяли, – проговорил он.

– Ну да, нормально там все было, Константин Кириллович. Тьфу! Кирилл Константинович. Но кто ж бобров-то предвидеть может? Твари такие!

– Где это, вообще, находится? – спросил Капустин.

– Под Оренбургом, два часа на самолете, – ответили начальнику департамента.

– Тогда в путь, – сказал Кирилл Константинович, опять взглядом давая понять, что совещание закончено.

Все дружно встали и шумно вышли. Спор о том, как лучше травить бобров и прочих грызущих, продолжился за дверью. Аркадий Гуща остался сидеть.

– Три дня у меня есть. Потом Хотян по телеку на меня все начнет валить. Что скажешь? – Капустин через весь стол спросил инженера Гущу.

Они с Гущей вместе заканчивали строительный университет. Гуща пошел работать по специальности инженером по тепло- и гидроизоляции в компанию, которая производила строительные материалы, а Капустин попал на госслужбу. За двадцать лет работы Гуща проконсультировал не одну сотню подрядчиков – строителей промышленных объектов и добрался в своей конторе до должности директора службы качества. Контора была большая и с солидным международным опытом: Гуща не вылезал из самолетов и командировок. Год назад он уволился из компании, чтобы больше времени уделять своей семье, которая успела разрастись до чего-то очень большого.

После увольнения Гуща стал независимым строительным экспертом. Время от времени его нанимали заказчики для проверки работы проектировщиков, подрядчиков и поставщиков используемых материалов. Опыт у Гущи был бесценный, экспертизу он проводил хорошо, и на жизнь ему и его семье хватало.

Гуща помогал Капустину время от времени, когда у него возникал перерыв в экспертных заказах и когда у Капустина намечался аврал. Денег у Кирилла Константиновича за консультирование Аркадий Гуща никогда не просил и официальных договоров оказания услуг консультанта не подписывал. Капустин и не настаивал.

– Надо ехать и смотреть, – начал говорить Аркадий Михайлович, – и тебе надо ехать. С ними я не полечу, – Гуща кивнул на дверь.

– Маша! – крикнул Капустин.

Маша зашла в «переговорку» и поправила свою челку.

– Самолет. Оренбург, – сказал Кирилл Константинович.

– Эмчэсовцы летят через два часа. Регулярные есть через три.

– Регулярный. Два места. Позвони туда, чтоб встретили и поселили.

Маша вышла, и Капустин снова посмотрел на Гущу.

– Дамба старая. Пять лет назад ее укрепляли железками. Скорей всего, железки изолировали на пыль, все отвалилось и сгнило. Но надо смотреть.

– Поедешь? – спросил Капустин.

- Поеду. Но тебе же про бобров надо будет рассказывать, – ответил Гуща.
У Капустина завибрировал телефон. Высветилось имя Даши, его бывшей жены.
– Да, – ответил Капустин.
– Кирилл, ты позвонишь по лицу?
– Да, да. Позвоню. Сказал же.
– Хорошо, спасибо, – ответила Даша.

Капустин сбросил звонок. Он забыл, что еще неделю назад Даша попросила устроить ее сына в лицей. Пацану было семь лет. Даша хотела попасть в хорошую школу, но места в хороших школах все уже были расписаны, поэтому она позвонила Капустину.

Кирилл Константиныч посмотрел на часы. «Завтра утром позвоню», – сказал он себе под нос и кивнул Гуще.

***

- Как затопило? – спросила Татьяна дочь Катю. – Трубу прорвало?
– Нет же! Вода из реки – вжжж, и теперь ее дома – воо! – Катя развела руки в стороны, показывая, сколько именно воды. – Мне папа сказал тебя встретить. Он там горшки носит.
«Опять горшки носит», – подумала Татьяна. Ее муж Евгений разводил разные цитрусовые растения в цветочных горшках. Расти они особо не росли, но само то, что у Евгения дома худо-бедно теплилась горшочная жизнь, доставляло ему несказанное удовольствие. Татьяна к горшкам Евгения старалась относиться спокойно, хотя они и занимали львиную долю свободного места в их доме.

Дом у Татьяны Ершовой и Евгения Шушеры был большой: одноэтажный, но с четырьмя комнатами, высокими потолками и кирпичными стенами. Всего выходило сто пятьдесят метров жилой площади. Метров десять занимали горшки.

Татьяна взяла Катю за руку и поспешила домой. Остановка маршруток на Оренбург располагалась в одном конце Сакмары, а жили они в другом. Пешком – десять минут. Город Сакмара был очень маленьким: центральная улица Советская с несколькими пятиэтажками и с десяток примыкающих к ней переулков, где цвел и пах частный сектор жилья.

В городе и правда стояла вода. Невысоко, но все улицы и дома были затоплены «по щиколотку». Местные жители суетились на улице, почти на каждом из них Татьяна увидела резиновые сапоги или калоши. Татьяна остановила одну пожилую женщину и попросила рассказать о том, что тут случилось.

– Да дамба наша протекла. А я говорила, что из говна строят, да за миллионы, – ответила женщина. – Ну да, чай, не утонем, сейчас эмчээсовцы должны приехать и все заделать и переделать. Говорят, что выше, мол, вода не пойдет. Айда мне поможешь.

Женщина потянула Татьяну за руку, сняла с плеча огромный баул и протянула его Татьяне.

– Мне к своим надо, – ответила Татьяна, – мы пойдем.

Она ухватила Катю крепче за руку.

– На вот калоши тогда, – женщина достала из баула пару черных старых калош и протянула их Татьяне. Калоши были пыльные и пахли чем-то несвежим. Татьяна их взяла и вставила в них свои туфли. Получилось не очень удобно, но зато сухо. Погода хоть и стояла теплая, но журчащая под ногами вода еще не прогрелась.

Татьяна издали увидела своего мужа и попробовала побежать к нему. В калошах на туфлях получалось это плохо, и она снова перешла на шаг. Катя рядом смачно шлепала резиновыми сапогами по лужам.

Евгений заметил Татьяну и сам пошел к ней навстречу.

– Фух! Все, что надо, переставил, документы сложил, фотоаппарат и пылесос изолировал.

– Сильно нас? – спросила Татьяна.

– Пока только подвал намок, – Евгений вытер пот со лба рукавом рубашки. – Я домой пришел, сел обедать, вижу в окно: народ бежит. Я выглянул, а там вот. Дамба, говорят. Речка наша путь себе рвет.

Дом Татьяны стоял на небольшом пригорке, который был обнесен деревянным забором зеленого цвета. За забором внутри росли несколько деревьев и какие-то цветы. К крыльцу были прислонены два велосипеда, детский и взрослый. Внутри дома все четыре комнаты были обставлены мебелью из «Икеи», которую сюда из московских магазинов под заказ привозили местные энтузиасты. Самая большая комната была спальней, самая маленькая – детской для Кати, третья комната превратилась во что-то вроде кабинета Татьяны, где она писала кандидатскую диссертацию, а четвертая была пространством для личных занятий Евгения: там стояли все его «недороженные» апельсины, старое пианино, велосипед, компьютер, огромный фотоаппарат и прочий хлам из учебников и бумаг.

Кабинет Татьяны был тоже полон макулатуры: диссертационных распечаток и ксерокопий, экспертиз для Додонова и детских книжек для Кати, из которых Катя уже выросла, но выбрасывать которые Татьяне было жалко.

Татьяна быстро прошла по комнатам в поисках того, что еще требует срочной эвакуации из-за прибывающей воды. По улице промчался десяток самосвалов и пожарных машин, так что задрожали оконные стекла. «Видимо, у кого-то что-то замкнуло», – подумала Татьяна и подняла с пола Катин рюкзак, который ей купил Женя к будущей школе.

– К соседям ходил? – спросила она мужа.

– Нету никого. У них там по колено затекло уже, – ответил Женя.

В Сакмаре не было главной площади с Лениным, куда народ мог бы выйти в случае каких-либо катаклизмов или празднеств. Поэтому Татьяна, Евгений и Катя, закрыв дома все двери и окна, пошли на главную улицу – Советскую, чтобы разузнать у людей что к чему. Проехало еще несколько самосвалов в сторону дамбы, и пролетел вертолет.

– Как в кино, – сказала Катя.

На Советской было полно людей. Вся маленькая Сакмара вышла на улицу. Татьяна разглядела своих и Евгения учеников и их родителей и подошла к ним.

– Здравствуйте, Татьяна Геннадиевна, – завопили шестиклассники, у которых Татьяна была классной руководительницей. Татьяна в ответ вымученно улыбнулась.

– Известно что-нибудь? – спросил Евгений знакомых родителей.

– Ничего, – ответил один из мужиков, грозный и злой на вид. – Вот тот хрен в форме только сказал, чтоб все были готовы к эвакуации, – мужик показал пальцем на эмчэсовца, который ходил от одной стороны улицы к другой и что-то говорил людям.

– Да потому что развалили всю страну на хрен. И губернатор наш скотина, – раздался громкий голос старика, с которым пытался говорить эмчэсовец.

Все повернулись в их сторону и стали слушать.

– Я тут всю жизнь того... прожил, – дед горячился и хлопал себя по груди. – Родителей похоронил, детей похоронил. А вы ироды! Скотины вы! И губернатор ваш скотина!

– Семеныч принял уже? – спросил Евгений, кивнув на старика. – У него же дети в Москве живут. Когда он их похоронить успел?

– Его потоп уже в «принятом» виде застал, – ответили Евгению родители его учеников.

Татьяна подошла к эмчэсовцу, чтобы расспросить его о том, что делать дальше.

– Вот, Танечка, смотри, скотины какие! – сказал старик, которого все звали Семенычем.

Он театрально плюнул себе под ноги и посмотрел на эмчэсовца.

– Нас эвакуируют? – спросила Татьяна.

– Пока нет команды, – ответил эмчэсовец.

– А что случилось?

– Все нормально. Под контролем.

– Люди говорят, прорвало дамбу?

– Дамба в порядке. Не переживайте. Мы вас проинформируем о дальнейших шагах.

Татьяна посмотрела на Семеныча, который продолжал стоять рядом, кивнула ему и пошла обратно к своим.

– Молчат, – сказала она и посмотрела на часы на руке. – Пять часов. Скоро темнеть будет.

– Нам дома ночевать или где? – кто-то крикнул эмчезовцу, но тот уже отошел и сделал вид, что ничего не услышал.

Река Сакмара огибала городок с трех сторон, как будто петлей, и впадала в Урал в пяти километрах ниже по течению. Лет пятьдесят назад Сакмара решила срезать себе путь и проложить русло прямо по городку. Сначала образовался заросший осокой рукав реки длиной в сто пятьдесят метров. Никто не обращал на него внимания. Потом рукав начал заглатывать и заболачивать почву и вплотную подбираться к городу. Всем стало понятно, что скоро появится новое русло вместо населенного пункта.

Лет тридцать назад на рукаве реки Сакмары построили небольшую железобетонную дамбу, которую ремонтировали раз в пять лет. Для жителей городка она стала единственной местной достопримечательностью. На дамбу приезжали фотографироваться свадьбы, а местные жители ходили гулять с собаками. Иногда жених с невестой наступали в собачье дерьмо, и фотографии получались не такими радостными, как хотели того новобрачные.

Татьяна, Евгений и Катя продолжали стоять в толпе. Прошел час. Проехали еще несколько грузовых машин с бульдозерами на них.

– Кранты нам, – сказал старик Семеныч.

– Не дрейфь, дед, – сказала одна из пенсионерок на вид еще старше Семеныча. – Когда на старости лет в такое приключение завернешь?

Спустя еще десять минут к людям на улице вышел глава местной администрации – грузный, потный мужик за сорок, с плешью на голове и сигаретой в руке. При всем при том, что в Сакмаре многие друг друга знали по имени, как зовут этого самого главу, никто упомянуть не смог.

– Жупин его фамилия. По имени не знаю, – подсказал всем Евгений.

– Граждане, у нас произошла тут небольшая эта... она... заминка. Но все нормально. Под контролем. Контролируем мы все. Вот, – грузный глава города Жупин затянулся сигаретой и продолжил. Вид у него при этом был нервный.

– Я это... извините, – он кивнул на сигарету. – Переживаю «чутка». Короче, граждане, все нормально.

– Врешь же, скотина! Разворовал наш совхоз! – дед Семеныч бросился в атаку, но его удержали и отвели в сторону.

Жупин сбился с речи, но быстро собрался и продолжил:

– Там с дэшку дамбу перехлестнуло – много воды сбросили, но на лад сейчас все пойдет, взад воду отбросим, и все. Можете идти по домам, утром вам это... помогут с восстановлением. Ну, если намокло там или треснуло. Короче, все починим. Опасности нет. По домам можно, – Жупин посмотрел на стоящего рядом эмчезовца. Эмчезовец кивнул.

– Это новый у нас глава такой, да? – спросила Татьяна Евгения.

– Год как да.

Люди постояли еще с полчаса, беспокойно обсудили речь мэра Сакмары Жупина и стали медленно разбредаться по подтопленным домам.

– В сад я не пойду завтра, да? – Катя посмотрела на родителей.

– Ну, во-первых, завтра суббота... – ответила Татьяна.

Катя взяла ее за руку, и они вместе пошли домой. Начинало темнеть.

***

Капустин и Гуща прилетели в Оренбург затемно. Их встретил кортеж из двух губернаторских «мерседесов» и повез в отель.

– Губернатор ждет вас завтра утром, – молодой парень с переднего сиденья сказал Капустину.

– Сегодня, – ответил Капустин.

– А я на дамбу смотреть поеду, – добавил Гуща.

– Уже темно ведь. Протечку, как мне доложили, остановили. До утра терпит. Да и темно уже, – повторил парень – представитель губернатора.

– Прожектор не найдете? – спросил Гуща.

Все два часа полета он проспал и выглядел посвежевшим по сравнению с совещанием у Капустина. Сам же Кирилл Константинович в пути пытался поесть или хотя бы выпить свой зеленый чай, но брыкающийся как конь самолет в зоне турбулентности был против ужина руководителя департамента. И в итоге Капустин облил себе брюки, рассыпал салат и попросил стюардессу унести все оставшееся от его трапезы.

«Мерседесы» остановились. Аркадий Гуща пересел из одного в другой и поехал в Сакмару.

– Остап Павлович примет вас завтра, – сказал парень-представитель. – Он уже уехал.

– Кто такой Остап Павлович? – спросил Капустин.

– Кто? Губернатор.

– Уехал?

– Да, домой.

– У вас, блин, сейчас дамбу прорвет, и весь город хреном пойдет, а Остап уехал?! –

Капустин чуть-чуть повысил голос.

– Звони, чтоб сегодня, – добавил он.

Представитель достал телефон и начал звонить.

– Остап Павлович... – сказал парень в телефон. Капустин перестал слушать представителя и перевел взгляд в темное окно.

«И на хрена у нас так далеко аэропорты от городов строят? – подумал про себя Капустин. – Знаю, знаю, война там, все такое, чтоб сразу не разбомбили. Но, блин, час уже пилим на моторе и все никак не доедем».

У Капустина завибрировал телефон, и он перестал думать об аэропортах. Звонил Скоропупов. И звонил он не на телефон, а по мессенджеру. «Секретничает», – сказал вслух Капустин и ответил на вызов.

– Кирилл, ты уже там?

– Да, сейчас на встречу.

– Я просто, чтобы тебя в курс дела ввести. Хотян на три дня заболел, со вчерашнего дня, как ты сам понимаешь. Просил передать, чтобы ты не забыл про бобров. Мы тут подумали: нам это тоже хорошо. Бобры в смысле. Мы тебе денег на ликвидацию зверей выделим. Там надо будет экспертизу шлепнуть, и чтоб по телеку показали да рассказали, как вы с бобровой популяцией справились. Впрочем, сам знаешь. Только имей в виду, чтоб все гуманно: никаких там отстрелов, только вежливое переселение. Ну, ты понял меня. И нам в плюс, что мы природу любим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.